
Глеб Жарков
Жизнь, как она есть!

Глеб Жарков

Жизнь, как она есть!

«Автор»
2026

Жарков Г. А.

Жизнь, как она есть! / Г. А. Жарков — «Автор», 2026

Что происходит в сознании человека в ту самую секунду, когда его сердце останавливается? Денис просто поскользнулся на мокром осеннем асфальте, но в его мире ничего не закончилось — он вернулся к любящей семье, работе и мечтам о путешествии к океану. Светлая, трогательная и философская история о том, как наш разум создает целую вселенную из любви и воспоминаний, чтобы обнять нас на прощание и отпустить в новый рассвет.

© Жарков Г. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Эхо на асфальте 6
ГЛАВА 2. Защитный протокол «Кошмар» 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Глеб Жарков
Жизнь, как она есть!

ГЛАВА 1. Эхо на асфальте

В свои сорок три года Денис Анатольевич точно, до мельчайших деталей, знал, из чего состоят его вторники. Это знание было плотным, осязаемым, многослойным и привычным, как старые, идеально разношенные по ноге кожаные туфли. Всё начиналось ровно в семь утра — резкий, дребезжащий, назойливый писк электронного будильника на прикроватной тумбочке. Каждый раз, нащупывая спросонья кнопку отключения, Денис клятвенно обещал себе сменить этот мерзкий звук на что-то более мелодичное, например, на шум морского прибоя или джазовую композицию, но к вечеру благополучно забывал.

Сонный Егор, которому через месяц должно было исполниться девять лет, сидел на кухонном табурете в пижаме с изображением космических кораблей. Мальчик упорно, с видом молчаливого партизана на допросе, игнорировал овсяную кашу с кусочками банана и пытался незаметно утащить под стол планшет, прикрывая экран краем свисающей скатерти.

Ольга, на ходу завязывающая густые темные волосы в тугой, аккуратный конский хвост, умудрялась делать три дела одновременно: одной рукой она пролистывала рабочую почту на экране смартфона, другой придерживала воротник блузки, а внутренним чутьем контролировала уровень кипения воды в электрическом чайнике. На небольшой, но уютной кухне пахло свежемолотым бразильским кофе, сливочным маслом и слегка подгоревшим тостом — привычный, обволакивающий, успокаивающий шум обыкновенной счастливой человеческой жизни.

— Егор, я всё вижу, — не оборачиваясь от плиты, ровным, но твердым тоном произнесла Ольга. — Планшет на полку, ложку в правую руку. Через пятнадцать минут выходим, а у тебя еще рюкзак не проверен. Вчера ты вместо учебника по окружающему миру принес в школу каталог строительных инструментов папы. Учительница до сих пор смеется.

— Мам, ну там же про экскаваторы было! Это тоже окружающий мир! — попытался возразить Егор, лениво зачерпывая кашу и тут же выстраивая из овсяных хлопьев неприступную крепость на краю тарелки. — Пап, ну скажи ей! Разве башенный кран — это не часть природы?

— Часть, сын, самая что ни на есть железобетонная, — усмехнулся Денис, застегивая манжеты светло-голубой рубашки. — Но боюсь, что по программе третьего класса тебе придется сначала освоить пестики и тычинки, а к башенным кранам мы вернемся ближе к институту. Ешь давай, а то каша остынет и превратится в цемент марки М-500, его потом даже отбойным молотком не возьмешь.

— Дэн, ты маме звонил? — спросила Ольга, поворачиваясь и передавая ему тяжелую керамическую чашку с дымящимся американо. На ее лице, еще хранящем легкую утреннюю припухлость, читалась искренняя забота. — Она вчера вечером заикалась, что у неё опять скачет давление из-за этой ноябрьской сырости. Надежда Васильевна же у нас старой закалки партизан, сама никогда не признается, пока «Скорую» вызывать не придется. Скажет, что просто на погоду голова гудит, и пойдет грядки с зеленью на балконе полоть.

— Позвоню из офиса, Оль. Прямо перед первой летучкой, честное пионерское, — Денис благодарно улыбнулся, сделал глоток обжигающего кофе, поцеловал жену в висок, пахнущий ее привычным нежным кремом с нотками миндаля, потрепал сына по вихрастой, непослушной макушке и шагнул за порог квартиры.

День в сметно-договорном отделе инженерной компании тянулся своим размеренным, привычным чередом, неотличимый от сотен таких же ноябрьских дней. Серые пиксели бесконечных таблиц Excel на широком мониторе, споры с подрядчиками по поводу коэффициентов пересчета, душные совещания в переговорной с неработающим на обогрев кондиционером, короткий обеденный перерыв в столовой на первом этаже.

Около двух часов дня, выбрав паузу между звонками от заказчиков, Денис, как и обещал, набрал маму. Гудки тянулись долго, заставляя его слегка нахмуриться, но на пятом гудке трубку наконец сняли.

— Алло? Дениска, сынок, это ты? — раздался в динамике тихий, немного уставший, но такой теплый и родной голос Надежды Васильевны. На заднем фоне тихо бубнил телевизор.

— Привет, мам! Как ты там? Оля сказала, у тебя вчера давление шалило. Таблетки пьешь? Тонометр доставала?

— Ох, да не накручивайте вы меня с Оленькой, — мягко вздохнула женщина. — Всё хорошо, сынок. Просто погода меняется, ветер с моря задувает, в Сочи опять этот мелкий, нудный дождь зарядил с утра. Кости немного ноют, ну да в моем возрасте это дело житейское. Ты сам-то тепло оделся? Я вчера прогноз смотрела, к вечеру похолодает. Шарф не забыл?

— Не забыл, мам, замотался по самые уши, как пленный немец под Сталинградом, — пошутил Денис, глядя в окно, за которым действительно сгущались низкие, тяжелые, свинцовые тучи. — Ты давай не хандри, чай с малиной завари. Вечером еще наберу, может, завтра после работы заскочу, привезу тебе свежих пирожков с капустой из нашей кулинарии.

— Спасибо, родной. Береги себя, не бегай по лужам, — голос матери звучал так уютно, что на душе у Дениса сразу стало светло и спокойно.

Обыкновенная, предсказуемая, надежная и абсолютно безопасная реальность.

В районе семи часов вечера Денис возвращался домой. Ноябрьский вечер в субтропическом городе выдался по-настоящему промозглым и сырым. Яркие городские фонари центрального района Сочи расплывчатыми желтыми пятнами отражались в маслянистых лужах, темный асфальт блестел от мелкой, почти невидимой, но пронизывающей до костей измороси. Денис шел пешком от автобусной остановки, высоко подняв шерстяной воротник темного драпового пальто и глубоко засунув руки в карманы. В голове лениво, в такт шагам, прокручивались бытовые мысли о том, что нужно обязательно зайти в круглосуточный супермаркет у самого дома — Ольга за час до конца рабочего дня прислала сообщение с просьбой купить пакет молока, свежий батон и что-нибудь сладкое к вечернему чаю.

Он подошел к регулируемому перекрестку улиц Парковая и Конституции, всего в двухстах метрах от родного подъезда, где в окнах третьего этажа уже наверняка горел теплый свет. Дождавшись зеленого сигнала светофора, Денис шагнул с тротуара на проезжую часть, а затем, уже на противоположной стороне, начал подниматься обратно. Под его ногами оказался мокрый, отполированный тысячами подошв скользкий гранитный бордюр, предательски присыпанный слоем размокших, опавших листьев платана.

Правая нога в кожаном туфле на тонкой подошве внезапно, с пугающей резкостью поехала вбок.

Мир вокруг мгновенно, безумно крутанулся на триста шестьдесят градусов, смешав в единую смазанную ленту свет фар проезжающих машин, черное небо и огни витрин. Денис даже не успел инстинктивно выставить руки из глубоких карманов пальто, чтобы хоть как-то сгруппироваться или смягчить падение. Затылок с глухим, тяжелым, леденящим душу хрустом встретился с острым, неровным углом бетонного парапета, ограждавшего придорожный газон.

Удар.

В ушах раздался дикий, оглушительный звук лопнувшей гитарной струны, усиленный в тысячи раз. Перед глазами вспыхнула ослепительно-белая, выжигающая всё вокруг молния. А затем наступила абсолютная, звенящая, стерильная и ничем не нарушаемая тишина.

Прошло, как ему показалось, всего несколько коротких секунд.

Денис медленно открыл глаза. Странное, необъяснимое дело — боли не было. Вообще никакой. Голова, которая секунду назад должна была раскалываться на куски от чудовищного удара о бетон, была удивительно, непривычно легкой, даже слишком пустой. Он лежал на

животе, уткнувшись щекой в сырой асфальт у самого бордюра, но не чувствовал ни пронизывающего ноябрьского холода, ни противной влаги на коже.

Мимо него, едва не наступая на раскинутые в стороны полы его пальто, быстрым шагом прошла женщина в ярком красном плаще под прозрачным зонтом. Она спешила по своим делам и даже не взглянула вниз. Чуть дальше высокий мужчина в деловом костюме, увлеченно разговаривая по телефону и жестикулируя свободной рукой, спокойно, словно переступая через упавшую ветку, перешагнул через его ноги.

«Ну и ну... Ну и народ пошел, черствый какой, — с легкой обидой, недоумением и раздражением подумал Денис, провожая взглядом спину мужчины. — Человек на улице упал, может, сердце прихватило или сознание потерял, а они мимо шагают, как будто я невидимка. Хоть бы ради приличия остановились, спросили, всё ли в порядке».

Он опёрся ладонями о мокрую землю и с поразительной легкостью поднялся на ноги. На удивление, его движения были плавными, мягкими, почти невесомыми, словно сила земной гравитации в один миг уменьшилась вдвое. Денис тщательно, обеими руками отряхнул пальто — но на темной шерстяной ткани не осталось ни единого следа от грязной лужи или мокрых листьев. Он недоуменно осмотрел свои ладони: ни царапин, ни ссадин, ни даже пыли. С опаской, ожидая нащупать липкую кровь, он завел руку за голову, осторожно прощупывая затылок именно в том месте, куда пришелся страшный удар. Ни крови. Ни ссадины. Ни даже намека на шишку. Вообще ничего, словно он упал в мягкую перину.

«Повезло, — облегченно выдохнул он, нервно усмехнувшись и поправляя шарф. — Просто в рубашке родился, честное слово. Видимо, по касательной скользнул, а страху-то натерпелся, аж в ушах зазвенело».

Слегка, едва заметно кружилась голова, но в остальном он чувствовал себя превосходно — даже как-то подозрительно, неестественно бодро, будто внезапно сбросил лет десять возраста или выпил залпом тройной эспрессо. Денис развернулся и быстрым, уверенным шагом направился к своему дому, решив, что в магазин зайдет попозже, а сейчас ему просто необходимо выпить горячего чаю.

Входная металлическая дверь подъезда послушно, с привычным писком открылась от прикосновения магнитного ключа. Он легко взбежал по ступенькам на третий этаж, вставил ключ в замочную скважину. Металл привычно, мягко щелкнул.

— Оля, я дома! — громко крикнул он из прихожей, сбрасывая ботинки и вешая пальто на крючок. — Представляешь, я сейчас так глупо растянулся прямо у дороги на перекрестке... Подскользнулся на этих проклятых листьях. Думал, всё, череп пополам расколол!

Из кухни, вытирая руки вафельным полотенцем, вышла Ольга. На ней был тот же уютный домашний вязаный кардиган, темные волосы всё так же собраны в хвост, на лице — мягкая, привычная, родная улыбка.

— Опять ворон считал, строитель ты мой? Вечно ты куда-то спешишь, под ноги не смотришь, Дэн, — ласково пожурила она его, подходя ближе и поправляя воротник его рубашки. — Иди мой руки быстрее, ужин уже на столе, остывает. Егор, папа пришел!

Всё было на своих местах. Каждая мельчайшая деталь. Знакомый, вызывающий слюноотделение запах запеченной в духовке курицы с чесноком и розмарином, легкий, живой беспорядок в коридоре, синие кроссовки сына, небрежно брошенные у двери. Денис прошел в ванную комнату, повернул хромированный вентиль. Вода текла теплая, приятная. Он тщательно намылил руки ароматным мылом, смывая невидимую уличную пыль, посмотрел на свое отражение в зеркале — лицо было спокойным, обычным.

Через пару минут вся семья сидела за круглым кухонным столом. Егор что-то невероятно увлеченно, перескакивая с пятого на десятое, рассказывал про школьный конкурс рисунков и смешного физрука, размахивая вилкой в воздухе, а Ольга мягко осаживала его, напоминая о

правилах хорошего тона за столом. Денис взял нож и вилку, аккуратно отрезал сочный кусочек куриного филе и положил в рот.

И в этот самый момент глубоко внутри него что-то едва заметно, тревожно дрогнуло.

Вкус еды был абсолютно правильным. Это точно была Олина фирменная курица с чесноком. Но это ощущение доносилось до его сознания откуда-то издалека, словно через толстое звуконепроницаемое стекло. Словно он не чувствовал этот вкус живыми рецепторами языка прямо сейчас, а с идеальной, математической точностью вспоминал из архивов памяти, какой именно она должна быть на вкус. Текстура мяса, крупинки соли, острота чеснока — всё было безупречно воспроизведено в его голове, но самой глубины, сочности живого физического ощущения не хватало.

И еще кое-что. Где-то на самой дальней периферии слуха, прямо сквозь звонкий, заливистый голос сына и тихий, фоновый гул работающего на холодильнике маленького телевизора, начал пробиваться посторонний звук. Ритмичный, тонкий, хирургически монотонный писк какого-то электронного прибора.

Пип... Пип... Пип...

Денис замер с поднятой над тарелкой вилкой. Он медленно повернул голову в сторону темного кухонного окна, за которым моросил дождь. Писк шел как будто отовсюду и одновременно ниоткуда. Словно этот тонкий звук раздавался непосредственно внутри его собственной черепной коробки.

— Дэн? Всё хорошо? — Ольга вдруг перестала улыбаться и с легкой, искренней тревогой посмотрела на мужа, наклонив голову. — Ты какой-то бледный стал. Голова после падения не болит? Может, таблетку дать?

— Нет, нет, Оль, всё нормально, — Денис часто моргнул, встряхнул головой, и странный электронный писк тут же пропал, мгновенно заглушенный громким шумом льющейся из крана воды — Ольга как раз встала из-за стола, чтобы сполоснуть чашку. — Просто немного устал на работе, цифры перед глазами до сих пор прыгают.

Она ласково улыбнулась ему, подошла со спины и положила свои ладони ему на плечи. Ее руки были теплыми. Живыми. Настоящими. Денис глубоко выдохнул, расслабился, мысленно обругав себя за излишнюю, несвойственную ему мнительность. «Просто стресс после падения, — убедительно подумал он. — Легкое, микроскопическое сотрясение, отсюда и слуховые галлюцинации. Надо просто хорошо выспаться».

Вечер прошел в абсолютной, безупречной семейной гармонии. Они втроем посмотрели старую добрую комедию по телевизору, Денис помог Егору собрать сложный узел нового конструктора, попутно объясняя принципы рычага, а затем они с Ольгой легли в постель. Мягкое, тяжелое одеяло, знакомый, нежный запах её духов на подушке, ровное дыхание жены рядом. Денис закрыл глаза и мгновенно, словно проваливаясь в теплую темную воду, погрузился в глубокий, спокойный сон без сновидений.

...В это же самое время, в той же самой точке пространства, но на холодном, сыром, залитом грязью асфальте сочинского перекрестка улиц Парковая и Конституции творился настоящий ад.

Яркие, режущие глаза сине-красные проблесковые маячки «Скорой помощи» и патрульной машины полиции разрезали ночную темноту, тревожно отражаясь в маслянистых лужах и мокрых стеклах припаркованных машин. Вокруг места происшествия, огороженного красно-белой лентой, уже собралась небольшая толпа зевак под зонтами, несмотря на поздний час и усилившийся моросящий дождь. Люди испуганно шептались, переминались с ноги на ногу, вытягивая шеи.

Молодой врач реанимационной бригады в промокшей насквозь синей куртке спецмедслужбы тяжело поднялся с колен. Его брюки в районе коленей были полностью испачканы в

уличной грязи. Он посмотрел на стоящего рядом лейтенанта полиции и медленно, безнадежно покачал головой.

На мокром асфальте, неестественно раскинув руки, лежал мужчина в темном драповом пальто. Его глаза были полуоткрыты и стеклянны, неподвижно устремлены в черное ноябрьское небо, откуда падали холодные капли. Из-под затылка, прижатого к острому краю бетонного парапета, медленно вытекала густая, темная лужица крови, которую безжалостно размывал дождь. Это был Денис.

В боковом кармане его пальто надрывно, вибрируя о ткань, без остановки звонил мобильный телефон. На треснувшем от падения экране, залитом крупными каплями воды, ярко высвечивалось имя звонящего: «Оля». Но телефон никто не поднимал.

— Открытая черепно-мозговая, вдавленный перелом основания черепа, несовместимый с жизнью, — устало, глухим от сырости голосом произнес врач, стягивая с рук синие латексные перчатки. — Смерть наступила мгновенно, в девятнадцать четырнадцать, судя по первым свидетелям. Сильный удар затылком о бетонное ограждение, прямо в висок и основание. Он даже понять ничего не успел, секунды не мучился. Оформляйте, лейтенант. Тут уже без вариантов.

Полицейский тяжело вздохнул, спрятал лицо от дождя в воротник бушлата, достал служебный планшет и начал переписывать паспортные данные из документа, который только что вытащил из внутреннего кармана погибшего. Окружающий мир продолжал жить своей равнодушной жизнью. Машины медленно объезжали мигающие спецсигналы, прохожие плотнее кутались в куртки. Человека больше не было. Для всей огромной вселенной Денис Анатольевич превратился в быстро остывающее физическое тело, сухую строчку в полицейском рапорте и страшное, невыносимое горе, которое через считанные минуты обрушится на его семью.

...Денис проснулся от того, что в окно спальни светило невероятно яркое, слепящее, по-весеннему теплое солнце.

Он удивленно зажмурился, прикрывая глаза ладонью. Какая весна? Откуда это солнце? Вчера ведь был промозглый, дождливый ноябрь. Он медленно приподнялся на локтях и огляделся. Он лежал в своей спальне, но комната выглядела как-то странно, неуловимо иначе. Обои на стенах были теми же самыми, бежевыми в мелкий рубчик, но массивный шкаф и комод стояли по другим углам — именно так, как они с Ольгой планировали сделать перестановку еще три года назад, но у них всё никак не доходили руки.

Рядом на кровати Ольги не было, ее подушка была аккуратно заправлена. Из кухни доносились приглушенные голоса и звон посуды. Денис улыбнулся, накинул махровый халат и вышел из спальни в коридор.

На кухне, залитой неправдоподобно ярким, густым золотистым светом, спиной к нему у плиты стояла Ольга и что-то помешивала в кастрюле. Возле стола сидел Егор. Денис подошел ближе, собираясь шутливо обнять жену за талию, но приветственные слова вдруг застряли у него в горле.

Егор повернулся на звук шагов. Мальчик выглядел старше. Пугающе, необъяснимо старше. Это был уже не девятилетний ребенок с пухлыми щеками, а высокий, угловатый подросток лет четырнадцати, с вытянувшимся лицом, ломким голосом и серьезным, повзрослевшим взглядом. На нем была черная футболка с логотипом незнакомой рок-группы, которую настоящий Егор никогда в жизни не слышал.

— Привет, пап, — совершенно спокойно, буднично сказал четырнадцатилетний Егор, даже не удивившись его появлению.

Ольга медленно обернулась. В ее темных волосах отчетливо, широкими полосами виднелись пряди серебристой седины, а вокруг глаз и в уголках губ залегли глубокие, горькие морщины, которых еще вчера вечером не было и в помине. Она грустно, с какой-то невыносимой, вселенской тоской посмотрела прямо в глаза Денису.

— Ты опять пришел, Дэн? — тихо, с надрывом спросила она, и в ее руке вместо привычного кухонного ножа вдруг оказалась широкая черная траурная лента. — Зачем ты себя мучаешь? Ты ведь знаешь, что тебя здесь нет. Тебя уже пять лет как нет.

Денис сделал резкий шаг назад, чувствуя, как твердый пол буквально уходит у него из-под ног. Стены кухни начали медленно, бесшумно плавиться и пошатываться, словно декорации из мягкого воска под жарким солнцем, золотой свет померк, а из глубины темного коридора снова донесся тот самый, страшный, пронзительный, непрерывный электронный звук:

Пиииииииииииииииииииии...

ГЛАВА 2. Защитный протокол «Кошмар»

Холодный, липкий ужас, намертво сковавший Дениса на плавящейся кухне, достиг своего абсолютного пика. Пронзительный звук «Пиииии...» в ушах стал настолько невыносимым и плотным, что казалось, голова сейчас взорвется, как перегретый паровой котел, у которого заклинило предохранительный клапан. Повзрослевший, вытянувшийся Егор с лицом уставшего тридцатилетнего бухгалтера и Ольга, сжимающая в побелевших пальцах черную траурную ленту, начали стремительно расплываться, теряя четкость контуров и превращаясь в цветные бензиновые разводы на поверхности темной воды.

Денис до боли зажмурился, из последних сил выкрикнул в эту рушащуюся пустоту: «Оля!» — и...

...резко сел в постели, тяжело, судорожно и хрипло дыша, словно только что вынырнул из ледяной проруби.

В глаза ударил привычный, тусклый, серый свет пасмурного ноябрьского утра. Никакого слепящего золотого солнца. За окном спальни всё так же уныло, монотонно барабанил по жестяному отливу мелкий сочинский дождь, превращая приморский город в декорации к мрачному питерскому детективу. Из кухни доносился восхитительный, совершенно земной, дразнящий запах жареного бекона, крепкого кофе и слегка подгорающих в тостере гренков.

Денис судорожно осмотрел свои дрожащие руки — обычные мужские ладони, с родинкой на левом запястье и легким следом от ремешка часов. Пощупал лицо, провел пальцами по щетине на подбородке — никаких признаков того, что он сошел с ума.

Рядом, завернувшись в пуховое одеяло по самый кончик носа и напоминая гигантскую, крайне недовольную гусеницу, заворочалась Ольга. Она приоткрыла один сонный глаз, скептически посмотрела на тяжело дышащего, взъерошенного мужа и хмуро, с легкой хрипотцой произнесла:

— Дэн, если ты решил практиковать технику осознанного дыхания тибетских йогов в шесть утра, то выбери для этого застекленный балкон. Или хотя бы перестань так громко орать на всю квартиру. Ты мне весь изумительный сон с Брэдом Питтом сломал, он мне как раз ключи от виллы в Тоскане передавал и просил присмотреть за виноградниками.

— Оль... — Денис сглотнул сухой, царапающий комок в горле, с трудом узнавая собственный голос. — Оль, который час? Какой сегодня день?

— Среда, — Ольга тяжело вздохнула, неохотно выпутываясь из теплого одеяльного кокона и садясь на край кровати. — Десятое ноября две тысячи двадцать седьмого года. Осень, слякоть, ипотека на месте, до пенсии еще как до Китая пешком. Ты чего подскочил-то, как ужаленный? Сметы не сошлись?

Денис опустил босые ноги на прохладный ламинат. Сердце постепенно, удар за ударом, замедляло свой сумасшедший, панический бег. Его прагматичный, привыкший к четкой логике разум, словно опытный системный администратор после внезапного сбоя питания, быстро наводил идеальный порядок в поврежденных файлах памяти, затирая жуткий ночной кошмар и выстраивая непробиваемую причинно-следственную цепочку.

«Ну конечно, — подумал Денис, и на его лице наконец появилась облегченная, немного глуповатая улыбка. — Я же вчера вечером упал. Жахнулся затылком об этот чертов бетонный бордюр на перекрестке. Пришел домой, наелся на ночь жирной курицы с чесноком, лег спать с легким сотрясением мозга. Вот перегруженный подсознательный процессор и выдал знатный психологический хоррор-триллер. Надо срочно завязывать смотреть фантастические сериалы перед сном».

— Кошмар приснился, Оль, такой реалистичный, аж жуть, — выдохнул он, поднимаясь с кровати и потягиваясь, чувствуя приятный хруст в позвонках. — Представляешь, будто Егору

уже лет четырнадцать, он вымахал выше меня, слушает какой-то тяжелый рок, а ты стоишь вся в седине и с траурным видом говоришь, что меня вообще не существует.

Ольга остановилась в дверях спальни, уперла руки в бока и скептически выгнула правую бровь:

— То есть то, что нашему сыну четырнадцать лет и он неформал — это для тебя жуткий кошмар? А то, что я вся седая — это так, легкий, незначительный нюанс? Дэн, дорогой, если я поседею из-за вас двоих раньше времени, уверяю тебя, твое физическое существование действительно окажется под очень большим вопросом. Марш в ванную умываться, а то Егор там опять устроил морской бой с резиновыми уточками, скоро соседей снизу затопим.

Атмосфера привычной, теплой, безопасной домашней пикировки окончательно вернула Дениса в привычную реальность. Липкий страх отступил без следа, уступив место легкому чувству стыда за свою минутную, почти детскую слабость.

В ванной комнате Денис подошел к большому зеркалу, включил яркую подсветку и, повернувшись вполоборота, критически осмотрел свой затылок. Там действительно обнаружилась небольшая, вполне осязаемая шишка, скрытая под густыми волосами. Она немного пощипывала и ныла при легком нажатии пальцами.

«Вот она, родимая, улика номер один, — с искренним облегчением подумал он, умываясь ледяной водой из-под крана. — Обычная посттравматическая гематома. А я-то устроил тут, понимаешь, "Матрицу" на выезде».

Через десять минут вся семья в полном составе собралась на кухне. Егор, как и положено нормальному восьмилетнему ребенку, которому через месяц стукнет девять, сидел в любимой пижаме с миньонами и с глубоко страдальческим видом ковырял чайной ложкой кашу, делая вид, что перед ним не полезная овсянка на молоке, а как минимум тарелка с радиоактивными отходами.

— Пап, а правда, что если не съесть всю кашу до дна, то у меня не вырастут бицепсы и меня не возьмут в школьную секцию робототехники? — уныло, с надеждой на амнистию спросил мальчик, подпирая щеку кулаком.

— Чистая, научно доказанная правда, сын, — авторитетно заявил Денис, наливая себе свежесваренный кофе из турки. — Более того, британские и сочинские ученые совместно выяснили, что молекулы овсяных хлопьев напрямую влияют на проводимость микросхем в процессорах. Не съешь кашу — собранный тобой робот просто откажется подчиняться командам, обидится и уйдет жить к другому, более дисциплинированному мальчику.

— Опять ты ребенку строительную лапшу на уши вешаешь, сказочник, — беззлобно проворчала Ольга, ставя перед Денисом тарелку с горячим бутербродом с сыром и беконом. — Процессоры у него от каши зависят... Лучше бы проверил, взял ли он сменную обувь и тетрадь по русскому языку, а то опять в кедах по паркету бегать будет.

В этот самый момент на кухонном столе у Дениса мелодично зазвонил мобильный телефон. На светящемся экране высветилось: «Мама».

Денис тепло улыбнулся и нажал на зеленую кнопку приема вызова. Разум мгновенно подкинул удобное объяснение: видимо, она решила перезвонить с утра пораньше, чтобы узнать, как он добрался вчера под дождем.

— Да, мам, доброе утро! Как твое давление сегодня? Погода вроде не радует, — бодро, с улыбкой спросил Денис, прижимая телефон плечом к уху и откусывая кусок бутерброда.

В динамике раздался легкий, шуршащий звук, напоминающий помехи на старой радиоволне, а затем — голос Надежды Васильевны. Но звук был каким-то странным, глуховатым и далеким, словно она говорила через толстый слой ваты или по очень плохой, прерывающейся громкой связи из соседнего города.

— Дениска... — тихо, надломленно сказала она. — Сынок... Как же так вышло? Господи, Дениска, за что...

Денис мгновенно перестал жевать и нахмурился, отойдя к окну, чтобы лучше слышать и не пугать сына.

— Мам, ты чего? Что-то случилось? Давление подскочило? Или ты опять с утра пораньше какой-то грустный сериал по телевизору посмотрела?

— Мне так плохо, сынок... Сердце прямо на куски разрывается. Зачем же ты нас оставил, родной мой?..

По спине Дениса снова пробежал колючий, ледяной холодок, волосы на затылке зашевелились, но в ту же секунду Ольга, поворачиваясь от плиты, с оглушительным грохотом уронила на кафельный пол тяжелую чугунную сковородку. Металл звеняще ударился о плитку, Егор испуганно ойкнул, выронив ложку, а Ольга принялась громко, эмоционально отчитывать свою утреннюю неуклюжесть, нагибаясь за посудой.

Из-за этого внезапного бытового шума Денис не расслышал середину фразы матери.

— Мам, повтори, пожалуйста, ужасно плохо слышно, тут Оля посуду на счастье бьет! — громко крикнул он в трубку, прикрывая второе ухо ладонью.

— ...береги себя, сынок. Я так сильно по тебе скучаю, — донесся далекий, стремительно угасающий, словно тающий в тумане голос, и связь резко оборвалась.

Денис озадаченно посмотрел на темный экран смартфона. «Вызов завершен». Он медленно покачал головой, убирая аппарат в карман брюк.

«Ну точно, у мамы опять сезонный приступ меланхолии на фоне этих бесконечных ноябрьских дождей, — рационально рассудил он. — Наверное, сон плохой приснился, вот она и расчувствовалась с утра. Надо будет обязательно вечером после работы к ней заскочить, купить ее любимых мятных пряников и зефира. А то накрутит себя в одиночестве, потом валидол пачками пьет».

— Всё нормально? — спросила Ольга, поднимая сковородку и с виноватой улыбкой глядя на мужа. — Надежда Васильевна не сильно на меня ругалась за утренний грохот?

— Да нет, скучает просто, просит в гости заехать. Погода, говорит, на душу давит. Слушай, Оль, а что у нас вчера на ужин было? Что-то у меня память совсем отшибло после этого падения.

Ольга удивленно посмотрела на него, держа чугунную сковородку в руке как теннисную ракетку:

— Дэн, ты издеваешься или реально головой сильно приложился? Ты вчера пришел около половины восьмого, пожаловался, что у тебя жутко раскалывается затылок, наотрез отказался от ужина и сразу лег спать. Я тебе еще полотенце мокрое на лоб клала. Ты вообще ни крошки в рот не взял. Какая запеченная курица из твоего сна? У нас вчера были обычные макароны по-флотски, которые ты благополучно проспал.

Денис замер посреди кухни. В его памяти отчетливо, до мельчайших гастрономических подробностей, сохранялся вкус сочной запеченной курицы с чесноком и розмарином, которой, как только что выяснилось, вчера вечером вообще не существовало в природе. Он помнил, как сидел за этим самым столом, как Егор размахивал вилкой...

«Сотрясение, классическая ретроградная амнезия и конфабуляция, — упрямо, твердо зашептал внутренний голос. — Это просто ложные воспоминания из-за сильного удара о бетон. Мозг, чтобы не оставлять черную дыру в хронике вечера, заполнил пробел в памяти типовым, привычным сценарием семейного ужина. Всё абсолютно логично. Нейробиология это давно изучила и объяснила».

— А, ну да, точно, вспомнил, — наигранно, бодро рассмеялся Денис, потирая шишку на затылке. — Говорю же, знатно я вчера приложился. Память как у аквариумной рыбки гуппи стала. Надо поменьше работать и побольше гулять на свежем воздухе.

Он залпом допил остывший кофе, который показался ему на редкость удачным — крепким, ароматным, с правильной благородной горчинкой. Мир вокруг снова стал плотным, ося-

заемым, тяжелым и абсолютно нормальным. Искрометный юмор жены, ворчание сына, недоеденная овсяная каша в тарелке — всё это было слишком реальным и живым, чтобы подвергать его сомнению.

Денис быстро оделся в прихожей, чмокнул Ольгу в щеку — на этот раз отчетливо уловив тонкий освежающий аромат мятной зубной пасты — и вместе с Егором вышел из квартиры. Им нужно было успеть добежать до остановки, доехать до школы, а потом Денису — на работу, где его ждала очередная проверка смет. Жизнь продолжалась, уверенно катилась по своим привычным, накатанным рельсам, и утренний кошмар казался теперь не более чем глупой, мимолетной фантазией уставшего мозга.

Подходя к автобусной остановке, где под навесом уже толпились люди с мокрыми зонтами, Денис привычным движением засунул руку в глубокий карман драпового пальто, чтобы достать проводные наушники. Пальцы наткнулись на что-то маленькое, гладкое и бумажное, завалившееся в самый угол подкладки. Он вытащил находку и недоуменно уставился на нее.

Это был старый добрый автобусный билет. Обычный узкий бумажный талончик с синей типографской печатью. Вот только на том месте, где обычно крупным шрифтом печаталась стоимость проезда, стояла четкая, жирная, безупречно пропечатанная дата: «10 ноября 2032 года».

Денис часто моргнул, чувствуя, как к горлу снова подкатывает холодная волна. Сегодня было десятое ноября две тысячи двадцать седьмого года. На талончике значился день ровно через пять лет.

Он резко потряс головой, зажмурился и посмотрел на бумажку снова. Черные типографские цифры на глазах расплылись, словно чернила под каплей воды, перестроились, и теперь там было написано абсолютно стандартное, привычное: «Цена 35 руб. Серия АБ».

— Пап, ну ты чего завис как старый компьютер? Наш автобус уже подъезжает, двери открывает! — Егор нетерпеливо дернул его за шерстяной рукав пальто.

— Да, сынок, иду, задумался немного, — Денис скомкал билет, засунул его обратно в карман, пообещав себе в обеденный перерыв обязательно зайти в аптеку за хорошим успокоительным и витаминами для сосудов мозга. — Просто в глазах рябит от недосыпа.

Он взял сына за руку и шагнул в теплый салон подошедшего автобуса. Денис и не подозревал, что в этой грандиозной, филигранной симуляции его собственный разум только что совершил колоссальную, титаническую работу, за считанные доли секунды заштопав огромную дыру в восприятии. Разум Дениса отчаянно, из последних сил боролся за то, чтобы его хозяин никогда, ни при каких обстоятельствах не догадался об одной простой, страшной вещи: автобус, в который они сейчас садились, никуда не ехал. Потому что никакой дороги, никакой школы, никакого города Сочи и никакого автобуса для него больше не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.